

ГЕВОРГ ЧМШКЯН

(К 30-летию со дня смерти выдающегося армянского артиста)

По узким и кривым улицам Тбилиси начала 60-х годов шел чиновник государственной службы в чине губернского секретаря.

Пройдя несколько улиц, он очутился у дворца наместника. Здесь он увидел большую голубую афишу, на которой было напечатано: «Аршак II». Это было объявление вновь организованной армянской труппы из абитуриентов семинарии Норсисян, извещающее население о спектакле «Аршак II». Это была пора зарождения и первых успехов армянского театра в Закавказье.

Что-то заговорило в душе молодого человека, а что—он и сам не мог объяснить. Одно было ясно: нужно поспешить на этот спектакль.

Спектакль захватил его. Молодой человек вышел из театра озадаченным и старался понять чудодейственную силу искусства. Придя домой, он быстро снял шинель, уселся за стол и стал перебирать книги, чтобы восстановить в памяти мысли великих людей.

— Вот, вот,—воскликнул он, прочитав у Белинского: «Отнимать у искусства право служить общественным интересам—значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит лишать его самой живой силы... И он начал вспоминать не так давно прочитанные им высказывания великого армянского демократа Налбандяна и просветителя Назаряна.

— Да, журнал «Юсисапайл» («Северное сияние»). ...Он кинулся к шкафу. Ведь они с севера просвещали армянский народ. Ведь они звали армянский народ к пробуждению вслед за Абовяном. «Только тот может иметь предубеждение против театра, кто считает, что люди лишь ради развлечения ходят в театр...»

Эти слова Налбандяна глубоко запали в взволнованную душу молодого человека, и он долго, долго не мог заснуть. В веренище разных мыслей нарастала одна, определенная мысль—все свои силы отдать родной сцене.

Отбросив снагу, закрыв страницы своей будущей блестящей карьеры чиновника, молодой человек весь отдался армянскому театру—стал его ведущим актером и в течение десятилетий был его художественным руководителем, по праву получившим всеобщее признание, как ветеран армянской сцены.

Молодой человек был Геворгом Чмшкяном, вписавшим славную страницу в историю армянского театра.

Быстро протекала кипучая деятельность Чмшкяна. Он реорганизовал театр, искал единомышленников. Блистательные актеры—Америкян, Мандинян, Сукиасян стали его соратниками.

— Переменить направление—вот что нужно,—твердил он своим товарищам.—Нужно перейти к пьесам, бичующим пороки общества.

Чмшкян искал поэта-драматурга. Он требовал современных пьес. Витиеватые, насыщенные исторические трагедии не удовлетворяли его, и он жаждал реалистических, глубоко психологических творений. Чмшкян вводит в репертуар произведения русских драматургов. Комедия Островского «Не в свои сани не садись», «Свадьба Кречинского».—Сухова-Кобылина, наряду с европейскими классиками—Шекспиром, Гюго и др., заполняли репертуар армянского театра 60-х годов прошлого столетия, тем самым создавая крепкие связи с русской и западной культурой. Однако, только этим армянский театр удовлетвориться не мог. Ему нужен был свой драматург. Взоры Чмшкяна и его товарищей были обращены к Габриэлу Сундукяну. После успеха комедии «Ночное чиха-

ние к добру» Сундукян все свои творческие силы отдал театру.

7 апреля 1866 года на спектакле армянского театра было особенно оживленно. В этот день впервые была представлена «Хатабала»—Сундукяна.

— Вот кого я видел,—воскликнул Чмшкян—Масисян, увидев Наталию.

— Как?... Это моя жена,—огрызнулся ошеломленный Исаи—Сукиасян.

— Шила в мешке не утаишь!—восклицает, ударяя себя по лбу, Забахов—Америкян.—Ай хатабала, ай хатабала...

Занавес закрылся. В зале стоял гром аплодисментов, шум, возгласы. Зритель не уходил из театра. Тифлисская общественность—армянская и грузинская интеллигенция—сценила обнять Сундукяна и актеров...

Входя в артистическую уборную, Чмшкян прыгал от радости.

— Победа за нами, за нами! Вот она—сценическая правда, реалистическая правда, о которой мы долго спорили, твердили!—сказав эти слова, он крепко обнял Сундукяна.

Чмшкяну везло. Вслед за Масисяном он сыграл благородного Микаэла в пьесе Сундукяна «Еще одна жертва». Сколько прекрасных дум, сколько чистой и идеальной любви вложил молодой порывистый Чмшкян в образ Микаэла, в котором видел себя.

Лето 1870 года было особенно жарким. Сундукян отдыхал в Крпаяисах. Встав по обыкновению рано утром, он вышел на балкон, сел за стол, на котором лежала тетрадь. Его благородная осанка, чистый до блеска белый китель, зачесанные назад слегка вьющиеся волосы придавали ему особо торжественный вид. Он создавал тогда своего бессмертного Папо. Сундукян то и дело смотрел на часы, и было заметно, что он волновался. Он ждал Чмшкяна, с которым советовался, обменивался мнениями, которому он диктовал «Папо».

30 апреля 1871 г. было днем великого события в истории армянского театра. В этот день «Папо» увидел свет рампы. Сбылись мечты Чмшкяна. «Папо»—вершина актерской славы Чмшкяна. Он явился лучшим исполнителем и интерпретатором роли Папо—драматургического гения Сундукяна. Сундукян нашел своего актера. Это большое содружество послужило крепкой основой всей деятельности драматурга и актера.

Годы шли...

Восторженный зритель понемногу остывал. Чиновничий бюрократический аппарат наместника на Кавказе чинил цензурные препятствия и стоило больших трудов добиться разрешения на каждый армянский спектакль. Трудно было двум—трем энтузиастам нести на своих плечах сложный театральный организм. Бесконечно создаваемые и распускаемые комитеты и попечительские советы, в состав которых входили «меденаты» и «верхи» капиталистического общества, не обеспечивали нормального хода развития армянского театра.

Бесконечные предложения Чмшкяна о методах исполнения армянского театра оставались «голосом вопиющего в пустыне». Чмшкян уставал. Ближайшие его товарищи бросили театр в поисках другой работы.

Тернист был путь армянского актера в прошлом. Измученный Чмшкян остался одиноким. В его страстной натуре еще билось большое сердце энтузиаста. Он еще надеялся на свои силы и верил в светлое будущее.

Но светлое будущее было впереди. Он не дождал до этого дня.

Бавик ВАРТАНЯН.